

Пролог Истории Армении как граница времени: герменевтическое чтение Мовсеса Хоренаци

Ширинян Арусяк А.

Соискатель кафедры богословия и истории Церкви

Ереванского государственного университета, преподаватель ЕГУ и РАУ (Ереван, РА)

 <https://orcid.org/0009-0000-5022-6882>

arusyak.shirinyan@ysu.am

УДК: 122/129; EDN: YULCYZ

DOI: 10.58587/18292437-2025.3-157

Ключевые слова и словосочетания: История Армении, Мовсес Хоренаци, герменевтика времени, время, вечность, средневековая философия, богословие, миф, историческая память

Հայոց Պատմության առաջաբանը որպես ժամանակի սահման. Մովսես Խորենացու հերմենևտիկական ընթերցում Ճիրինյան Արուսյակ Ա.

Երևանի Պետական համալսարանի աստվածաբանության և եկեղեցու պատմության ամբիոնի հայցորդ, Երևանի պետական համալսարանի և Հայ-Ռուսական համալսարանի դասախոս (Երևան, ՀՀ)

Ամփոփագիր. Հոդվածում վերլուծվում է Մովսես Խորենացու «Հայոց Պատմության» առաջաբանում ժամանակի ընկալումը՝ հերմենևտիկական, պատմափիլիսոփայական և աստվածաբանական մոտեցումների միջոցով: Հեղինակը ցույց է տալիս, որ Խորենացու մոտ ժամանակը ոչ միայն պարզ իրադարձությունների հաջորդականություն է, այլ՝ հիշողության հոգևոր շարժում, որը ներկառուցված է պատմագրության պատմողական կառուցվածքին: Հատուկ ուշադրություն է դարձվում ժամանակի դերին՝ որպես մշակութային ինքնության և պատմագրական գիտակցության ձևավորման տարրի:

Հանգուցարաներ և բառակապակցություններ՝ Հայոց պատմություն, Մովսես Խորենացի, ժամանակի հերմենևտիկա, ժամանակ, հավերժություն, միջնադարյան փիլիսոփայություն, աստվածաբանություն, առասպել, պատմական հիշողություն

The Prologue of the History of Armenia as a Boundary of Time: A Hermeneutic Reading of Movses Khorenatsi

Shirinyan Arusyak A.

Applicant of the Department of Theology and Church History of Yerevan State University, lecturer of Yerevan State University and Russian-Armenian University (Yerevan, RA)

Abstract. This article examines the perception of time in the prologue to The History of Armenia by Movses Khorenatsi through hermeneutic, historical-philosophical, and theological approaches. The author demonstrates that, for Khorenatsi, time is not merely a linear sequence of events, but rather a spiritual movement of memory integrated into the narrative structure of historiography. Special attention is given to the role of time as a formative element in cultural identity and historiographical consciousness.

Keywords & phrases: History of Armenia, Movses Khorenatsi, hermeneutics of time, time, eternity, medieval philosophy, theology, myth, historical memory

Введение

В начале V века, с созданием письменности, для армянского народа «был открыт источник науки» [1, с. 53]. В Армении, помимо перевода на армянский язык Библии, стали появляться важнейшие труды античных философов (Аристотеля, Платона и т.д.), а также религиозная литература древней католической церкви периода апологетики и сирийской интеллектуальной традиции (Афраат Мудрый, Ефрем Сирийский, речи Зиновия Амидского и т.д.).¹ [2]. Для философско-бого-

словской мысли огромное значение имела научно-литературная деятельность, так называемой грекофильской школы, с которой армянская средневековая мысль черпала знания из сокровищницы античной философии [3, с. 8]. В статье мы обратимся к прологу Истории Армении Мовсеса Хоренаци – одного из ключевых представителей раннеармянской христианской мысли – чтобы проследить, как в его текстах переживаются категории времени. Используемые методы, такие как герменевтический, историко-философский и

¹ Примечательно то, что некоторые памятники греко-византийской литературы в начале V в. были переведены на армянский не с греческого, а с сирийского языка, как, например,

"Церковная история" Евсевия Кесарийского, "Беседы на Шестоднев" Василия Кесарийского, "Послания" Игнатия Антиохийского и т.д.

богословский, позволяют рассмотреть восприятие времени в прологе истории Армении Мовсеса Хоренаци как сложный духовно-нравственный процесс, а не просто хронологическую последовательность событий. В данной статье не ставится задача всестороннего анализа всего литературного наследия Мовсеса Хоренаци. Вместо этого внимание сосредоточено на фило-софско-богословском осмыслении восприятия времени в начале Истории Армении и в общем контексте его историографического и духовного замысла. Используемая методология опирается на герменевтические модели, позволит рассматривать структуру исторического времени как элемент нарративной теологии и культурной памяти, что способствует многомерному пониманию времени как категории исторического сознания у Хоренаци

Герменевтика начала: Мовсес Хоренац в диалоге с античностью

Вторую половину VI века, принято считать началом нового периода в интеллектуальной жизни Армении. Какое именно влияние оказала грекофильская школа, следует судить по произведениям таких мыслителей, как Давид Анахт (Непобедимый), Анания Ширакаци [4, с. 209] т. д. Мовсес Хоренаци, живший в V веке, основоположник армянской историографии и создатель первого системного исторического нарратива армянского народа утверждал: «...я не устану называть всю Грецию матерью и кормилицей наук ...ибо греческие цари после приведения домашних дел своих в порядок, позаботились передать народу своему не только касающееся до их завоеваний, но и плоды мудрости» [5, с. 1751].

Несмотря на то, что в трудах армянских средневековых мыслителей нет прямого обращения к проблеме восприятия времени, все же, по утверждению Корюна с созданием письменности богословские категории времени были осмыслены: «Ибо страна, которая (раньше) ничего не знала о тех краях, где были сотворены все божественные чудеса, очень скоро узнала обо всем, что было, и не только о том, что произошло во времени, совершенных в те времена, но и изначальной вечности, но и о том, что произошло потом, о начале и конце и все божественные предания» [6, с. 2].

Рассмотрим отрывок из письма Мовсеса Хоренаци к Сааку Багратуни, предваряющий его Историю Армении, где автор формулирует как историческую, так и герменевтическую задачу своего труда. Хоренаци пишет: «...описать все времена и события от поры беспорядочного столпотворения до нынешнего дня, — полагая этим принести себе прекрасную славу и радость без забот» [5, с. 1753]. На первый взгляд, это

лишь очерчивание хронологических границ. Однако при внимательном рассмотрении мы видим глубинное понимание времени как последовательного и направленного движения – от первичного хаоса к исторической определённости. При еще более глубоком анализе текста, становится очевидным, что Хоренаци затрагивает фундаментальную философскую проблему восприятия времени, соединяя ее две разные концепции: субстанциональную и релятивистскую. Между двумя полюсами – «столпотворения и нынешних дней», пролегает путь, который Хоренаци стремится восстановить: можно предположить, что он пытается интерпретировать историю как движение, наполненное смыслом. Основываясь на этом, вероятнее всего текст свидетельствует о восприятии времени как реальности, существующей объективно, вне зависимости от субъективной точки зрения автора. Прошлое и настоящее связаны между собой в единую линию, которая прорывается сквозь забвение благодаря памяти и слову. У Платона в Тимее время также предстает как объективная реальность, сотворённая Демиургом, как образец в вечности для упорядочивания хаоса: «*Время было создано в образец вечности... таковым же стал и образец: время, движущееся по числу... А “было”, “будет” — всё это есть порождения времени*» [7, с. 48-49]. Время Платоном осмысливается не как субъективное восприятие изменений, а как космическая структура, имеющая собственное бытие, отличное от вечности, но отражающее её порядок. Эта субстантивная концепция времени, зародившаяся ещё в мифопоэтическом мышлении, [8, с. 54-57] получает у Платона философскую формулировку: время существует объективно, независимо от человеческого восприятия, будучи неотъемлемым элементом мироустройства. Платон противопоставляет вечность – неподвижную и внеисторическую – времени как становлению, придающему структуру происходящему. Аналогично Хоренаци организует своё повествование как движение от неформленного прошлого к структурированному историческому знанию.

Релятивистское понимание времени, восходящее к Аристотелю, подразумевает, что время не существует само по себе, а возникает как отношение между событиями. В Физике Аристотель пишет: «*Время есть число движения по отношению к “прежде” и “позже”*» [9]. С этой точки зрения, время существует постольку, поскольку существует движение и изменение: без событий нет и времени. Именно такой подход отражается в намерении Хоренаци последовательно восстановить происхождение родов, действия царей, процессы смешения племён – то есть представить

время как последовательность конкретных изменений.

Исходя из этого, можно предположить, что мы имеем дело с герменевтическим подходом — восстановление сакральной памяти через слово, превращение времени в текст. Такое осмысление истории может указывать на глубокую преемственность с античной философией времени.

Мовсес Хоренац в диалоге с раннехристианскими источниками

На армянскую историографию Мовсеса Хоренаци большое влияние оказала «Церковная история» Евсевия Кесарийского. Специально этот труд в «Истории Армении» упомянут только один раз. Однако: «*Мовсес обильно черпал свою информацию из этого источника и воспринимал ее как нечто наших справочников, энциклопедий ...*» [10, с. 30]. Примером влияния Евсевия служит то, что Мовсес Хоренаци не только цитировал тексты и письма, приведённые Евсевием, но и использовал их для подтверждения исторических легенд и фактов, связанных с христианством и историей Армении [11; I, 13].

В отличие от античного мышления, для которого историческое время часто понималось как циклическое — будь то платоновское «великое возвращение» [12, с. 70с-72е] или стоическое вечное возвращение [13, с. 120-125], — Хоренаци, следуя христианской традиции, предлагает иную модель. Его повествование направлено не к повторению: «*Если же кому-либо пришло бы в голову считать годы по (циклам), называемым именами богов, то они опять-таки не в точности сходятся с выставляемыми ими безмерными числами, так как суммы последних оказываются то меньше, то больше*» [5, с. 1756], а к уникальному завершению: от начального хаоса к телеологически осмысленному настоящему и к эсхатологическому будущему: «*О нем отец его предсказал нечто противоречивое: «Он успокоит нас как от дел наших, так и от печали рук наших и от земли, которую проклял Господь Бог». Что оказалось не успокоением, а уничтожением всего сущего на земле.*» [5, с. 1756]. В этом отрывке, где Хоренаци пишет о Ное уже намечается эсхатологическая перспектива: обещанное «успокоение» оборачивается не простым облегчением, а уничтожением всего сущего. Тем самым событие получает характер предельного завершения истории и перехода к новому состоянию мира, что указывает на восприятие времени в категории конца и обновления.² [14, с. 215-218]. Это и есть поворот от цикла к линии, от

мифа к истории, от бесконечного повторения — к единственному акту спасения.

Рассмотрим следующий отрывок из пролога Истории Армении Мовсеса Хоренаци:

«На это скажу лишь одно: “Разве книга мне предстоит?” — как говорится в книге Иова, или писания твоих предков, которые помогли бы мне, пожалуй, подобно иудейским историкам, безошибочно низвести повествование от начала до тебя или же отправляясь от тебя и других возвести до начала». [5, с. 1753] В этом кратком, на первый взгляд, замечании кроется глубокий пласт размышлений о природе времени в христианской традиции. Хоренаци не просто сетует на отсутствие готовых письменных источников. Его ссылка на книгу Иова — текст, насыщенный переживанием временности, утраты и ожидания восстановления. Вопрос о книге как символе памяти и преемственности становится здесь знаком внутреннего напряжения между прошлым и настоящим, между утратой и сохранением.

Хоренаци выражает в этом месте характерно христианское ощущение времени как не только линейного движения событий, но и как пространства духовного труда: необходимо не просто изложить факты, но выстрадать их понимание. Отсутствие готового «письма предков» обостряет у него ощущение разрыва во времени, который требует герменевтического преодоления — не просто передачи, но именно восстановления смысла, подобно тому как в христианской традиции история понимается сквозь призму откровения и ожидания исполнения полноты времен (Гал 4:4).

В одном из центральных мест пролога своей Истории Армении Мовсес Хоренаци противопоставляет христианское откровение и античные исторические традиции в вопросе о начале рода человеческого: «*Нам следует кратко сказать о том, почему другие историки, я имею в виду Бероса, Полигистора и Абидена, помышляя вопреки Духу, отклонились во мнениях относительно корня человечества, или, если кому угодно, — его вершины, или того же Кораблестроителя и прочих патриархов, и не только по поводу имен или времени, но также в своем толковании начала рода человеческого, противном тому, что для нас является неизблемым*» [5, с. 1757] Эта полемика выходит далеко за рамки вопроса о хронологии или именах. Речь идёт о фундаментальном различии в понимании истока — как события, предельно значимого в сакральной перспективе, и как предмета исторического анализа. Противопоставление взглядов древних

² Святые отцы (св. Иустин Мученик, св. Иоанн Златоуст и др.) видели в всемирном потопе прообраз будущей христианской эсхатологии. Они рассматривали потоп как символ

крещения, спасения и очищения мира от греха, а также как образ будущего всеобщего воскресения и суда. [14 с. 215–219].

историков (Бероса, Полигистора, Абидена) и христианской традиции может быть выражено через герменевтическую формулу: «помышляя вопреки Духу», — тем самым Мовсес утверждает богодухновенный статус своей интерпретации. Здесь вступает в силу различие между тем, что Поль Рикёр называл «символикой начала» и «нарративной идентичностью» — попыткой истории найти устойчивую форму в свете сакрального откровения [15, с. 100-105].

Герменевтический подход позволяет увидеть, что Мовсес Хоренаци проблематизирует акт исторического письма не как механическое воспроизведение событий, а как духовное восхождение к истине — путь, на котором автору приходится различать достоверное и недостоверное, сакральное и мирское. Этим он подчиняет линейное историческое время логике богословской инициации [16]. Для Хоренаци начать повествование — значит вступить в цепь преемственности церковной традиции, в «лоно Церкви» и во «Христову веру». Отказ от языческих мифов в качестве основания историографии также важен: он демонстрирует, что сакральное время, в котором укоренено христианское мировоззрение, принципиально отличается от циклического или хаотического времени языческих нарративов. Однако любопытен не абсолютный отказ от этих источников, а их селективное включение: «считая лишним повторять легенды языческих писателей о начале и (прибегая к ним) лишь для последующего — для известных времен и мужей, в отношении которых с ними сходится и Святое Писание, пока неизбежно не доберемся до языческих историй; но и из них мы позаимствуем лишь то, что сочтем достоверным» [5, с. 1754] Хоренаци допускает заимствование элементов из языческой истории, если они совпадают с каноническим Священным Писанием. Это указывает на герменевтическую модель времени как на структуру согласования и различения, в которой прошлое не дано раз и навсегда, но должно быть духовно распознано, «истолковано» в свете откровения. Фраза: «другие, пребывающие в лоне Церкви», значит не просто следовать традиции, а укореняться в экзистенциальной истине, которую эта традиция хранит. Отсюда рождается особая философия времени — времени как этического и духовного долга перед истиной, а не просто как последовательности фактов.

Примечательно, что сам Мовсес Хоренаци делит историю армянского народа на три части: «Мы расскажем, начиная с них, в меру наших возможностей то достоверное, что мы нашли в древних историях, с нашей точки зрения совершенно правдивых. Ты же, разумный читатель, взгляни теперь на равномерность рядов трех

родов вплоть до Авраама, Нина и Арама и подивись!» [5, с. 1759] Он дробит историю на доязыческую эпоху, время царей, принявших христианство, и, наконец, собственную современность как эпоху после принятия христианства, когда страна находилась под византийским и сасанидским давлением. Эти три стадии можно интерпретировать как аналог трёх моментов рикёровского миметического цикла: первая фаза — это культурная и мифическая предустановка, через которую нация осмысляет своё происхождение; вторая — эпоха конфигурации исторического самосознания через принятие христианской веры; третья — критическое и богословское переосмысление настоящего, в котором и сам Хоренаци оказывается и участником и свидетелем. [17, с. 52-88].

Его деление истории не только описательное, но и экзегетическое: он структурирует временное в категориях смысла и откровения, включая читателя в динамику восприятия и со-творчества.

В продолжении нашего исследования рассмотрим повествование о Хайке и Бэле: «*О Беле, современником которого был предок наш Хайк, повествуют многие и многообразно. Я же говорю, что носящий имя Кроноса и Бела — это Неброт, как сходно с Моисеем перечисляют египтяне — Гефест, Солнце, Кронос, то есть Хам, Хуш, Неброт, — опуская Местраима... Ибо если мы примемся для твоего сведения излагать в нашей истории все свершившееся от времен столпотворения до наших дней, та когда же доберемся до желанных тебе исторических повествований?*» [5, с. 1771]. Анализ фрагмента пролога к "Истории Армении" Мовсеса Хоренаци демонстрирует ключевые аспекты его историософии. Хоренаци не просто описывает события, а стремится вписать армянскую историю в более широкий, универсальный контекст, сопоставляя её с библейскими и египетскими хронологиями. Это не простое параллельное повествование, а попытка установить взаимосвязанность, синхронизировать временные рамки и указать на общее происхождение разных культур. Ключевым моментом является осознание Хоренаци ограниченности человеческого восприятия и времени. Он осознаёт, что невозможно охватить всю историю "от времён столпотворения до наших дней", и это ограничение подчёркивает экзистенциальный аспект его подхода. Автор отказывается от подробного изложения всей истории человечества, ссылаясь на ограниченность человеческой жизни и краткость века — история бесконечна, а жизнь историка ограничена.

Заключение

Пролог «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци открывает перед читателем не просто

повествование о прошлом, а размышление о времени, его истоке и смысле. В этом размышлении историк становится мыслителем, для которого категория начала (арм. սկիզբ) означает не только хронологическую точку отсчёта, но метафизическое приближение к тайне творения и к границе между вечным и временным. Уже в первых строках Мовсес задаёт тот вектор осмысления истории, который связывает её с Откровением, с памятью предков и с сакральным измерением преемства.

Категории памяти (арм. հիշատակ) и рода (арм. տիրույթ) у Хоренаци не служат лишь риторическим фоном – они становятся инструментами философии истории, в которой прошлое сохраняется не как свершившийся факт, но как присутствующее в настоящем слово, как ответственность перед истоком. В этом смысле «История Армении» оказывается не только историографическим трудом, но и богословским текстом, стремящимся удержать связь между историческим временем и вечностью.

Методологически анализ был основан на герменевтическом подходе, разработанном Паулем Рикёром [18] и Хансом-Георгом Гадамером [19], который позволяет рассматривать каким образом повествование конфигурирует опыт времени, соединяя космическое, историческое и экзистенциальное измерения.

Перечень использованной литературы

1. **Абегян М.** История древнеармянской литературы. – Ер.: Изд. АН АССР, 1975. – 616 с.
2. **Тер –Петросян Л.** Армения и христианская Сирия. Культурные связи IV - V вв. – Ер.: Матенадаран, 2022. – 535 с.
3. **Давид Анахт.** Сочинения. – М.: Академия наук СССР, Изд. «Мысль», 1975. – 262 с.
4. **Адонц Н.** Армения в эпоху Юстиниана. – Ер.: Изд. ЕГУ, 1971. – 526 с.
5. Մատենագիրք հայոց. Պատմութիւն հայոց: Բ. Հատոր: – Անթիլիաս-Լիբանան, 2003. – 2492 էջ:
6. **Չորիւնի,** Մատենագիրք Հայոց, հ. Ա., Ե դար: – Անթիլիաս-Լիբանան, 2003.- 1492 էջ
7. **Платон.** Тимей. – М., 2013. – 114 с.
8. **Eliade M.** The Myth of the Eternal Return, 1954. - 232 p.
9. **Аристотель.** Физика. Книга IV, глава 11, 219b1–2. Пер. с англ. Р. П. Харди и Р. К. Гей. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://classics.mit.edu/Aristotle/physics.4.iv.html>, свободный. — Дата обращения: 22.05.2025.
10. **Саркисян Г.** Мовсес Хоренаци История Армении / Пер. с древнеарм., введ. и примеч. Г. Саркисян., отв. ред. С. Аревшатян. – Ер., 1990. – 291 с.
11. **Евсевий Кесарийский.** Церковная история // Азбука веры. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Evsevij_Kesarijskij/tserk_ovnaja-istorija (дата обращения: 22.05.2025)
12. **Платон.** Федон // Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1993. -528с.
13. **Элиаде М.** Миф о вечном возвращении. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991.
14. **Протопопов В. И.** Библейские ветхозаветные факты по толкованиям святых отцов и учителей Церкви. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1896. – 202 с. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij-Protopopov/biblejskie-vethozavetnye-fakty-po-tolkovanijam-svjatyh-ottsov-i-uchitelej-tserkvi/> (дата обращения: 22.05.2025)
15. **Ricoeur, Paul.** Temps et récit. Tome I: L'intrigue et le récit historique. – Paris: Seuil, 1983. – P. 100–105
16. **Поснов М. Э.** История Христианской Церкви Электронный ресурс : учеб. пособие / М. Э. Поснов. — Электрон. текстовые дан. — Электронная библиотека Holy Trinity Orthodox School, 2002. — Режим доступа: <https://studfile.net/preview/3618429/> (дата обращения: 22.05.2025).
17. **Ricoeur, Paul.** *Time and Narrative. Volume 1*. Trans. Kathleen McLaughlin and David Pellauer. – Chicago: University of Chicago Press, 1984. Pp. 52–88.
18. **Рикер П.** Время и рассказ. Конфигурации в вымышленном рассказе., Т 2, Университетская книга., – М. –С.-Пет., 1985. – 212 с.
19. **Гадамер Г-Г.** Актуальность прекрасного. – М., «Искусство», 1991. – 367 с.

Сдана/Հանձնվել է՝ 22.05.2025

Рецензирована/Գրախոսվել է՝ 29.05.2025

Принята/Ընդունվել է՝ 05.06.2025